

Краеведам известно, что в XIX веке Вологду именовали «подмосковной Сибирью». Такого звания она была удостоена за то, что сюда из столиц и непокорной Польши ссылали довольно много «вольнодумцев» всех мастей. Как писал один из сосланных, палитра политических красок среди вологодских ссыльных была весьма пестрой. Здесь встречались и активные лидеры радикальных революционных течений, и несдержанные на язык столичные студенты, и скромные «сочувствующие», попавшие в поле зрения

Дом, где жили Тарутины

по этому адресу частном «кабинете для чтения» по вечерам задерживалась молодежь, явно интересующаяся литературой марксистского толка... Но в конце концов появился рапорт полицмейстера губернатора: «Тарутин Анемподист Александрович замечен в знакомстве и сношениях с лицами, состоящими под негласным надзором полиции, с административно-ссыльными и с воспитанниками реального училища. Поименованные лица почти ежедневно бывают у Тарутиных, причем собрания происходят обыкновенно в позднее

Исаак
Подольный

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОТКРЫТКИ

У нее было три варианта подписи. Два варианта этой открытки я увидел в коллекции О. В. Хамичева. На обороте одной сохранилась надпись: «Изъята из обращения». Может быть, у кого-то из вологжан найдется и третий вариант!

политической полиции. Каждая из групп составляла свои кружки, свои общины, землячества. И в каждом таком сообществе шли незатухающие политические дискуссии, продолжалась творческая жизнь.

В Белозерской ссылке писал свою книгу «Царь-голод» киевский студент-медик, будущий академик, Герой Социалистического труда и лауреат множества премий Алексей Николаевич Бах.

В отделе статистики Вологодского земства служил ссыльный петербургский студент-медик Захарий Григорьевич Френкель, член партии кадетов. Затем он стал академиком АМН СССР, выдающимся ученым-гигиенистом. Довелось ему в преклонном возрасте перенести еще и ленинградскую блокаду. В меру сил до ста одного года он продолжал свою научную и практическую работу.

Знаменитый революционер Герман Лопатин переводил здесь на русский язык «Капитал» Маркса и готовил побег Чернышевского из ссылки.

Политический ссыльный – врач Кувшиновской больницы Александр Малиновский, более известный под именем А. Богданов, серьезный политический оппонент В. И. Ленина, готовил свой знаменитый научно-фантастический роман «Красная звезда». А позднее он стал директором Института переливания крови и автором всемирно известной книги «Тектология. Всеобщая организа-

ционная наука». О нем и его друзьях издал интересную книгу «Марсиане из-под Вологды» врач и краевед В. И. Новоселов.

В 1885 году после 8-месячного тюремного заключения в Вологодской губернии оказалась семья Тарутиных: два брата, бывшие студенты Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, примкнувшие к одному из революционных кружков. Старший – Анемподист Александрович – в 1893 году добился, чтобы его вместе с молодой женой перевели из Великого Устюга на поселение в Вологду под гласный надзор полиции. Жили они в угловом доме на улице Кирилловской, что выходил фасадом на плацпарадную площадь и дом губернатора.

И долго местная полиция не замечала, что в организованном Тарутиными

время: с десяти – одиннадцати вечера до трех-четырёх-пяти утра. Прислуга на это время из дома удаляется, и окна закрываются шторами...». Хозяйина несколько раз арестовывали, но при обысках ничего крамольного не находили.

Поскольку нужны были средства и на жизнь, и на содержание библиотеки, семья решила организовать небольшую типографию для печатания видовых открыток.

В Вологде уже были довольно богатые традиции в таких делах. Среди старейших вологодских фотографов долгое

время из уст в уста передавалось предание о том, что группа местных фотографов выезжала в Петербург на фото-выставку, где встречалась с Дмитрием Ивановичем Менделеевым и получила от него высокую оценку своих работ.

Братья Тарутины были неплохими фотографами. Но открыть книжный магазин и получить разрешение на собственное издательство открыток удалось лишь на имя «устюгской купеческой невестки» Елизаветы Павловны Тарутиной, и только 5 июля 1893 года. А до того им приходилось сотрудничать с купцом И. Соколовым.

Собиратели открыток вологодской тематики находят ряд карточек столичных издательств, явно напечатанных с негативов Тарутиных. Вероятно, Тарутиным приходилось продавать не только фотокопии, но и подлинные свои снимки серьезным издательствам, выпускавшим серии почтовых карточек с видами множества российских городов.

Почтовые карточки издательства Тарутиных есть в коллекциях и в старинных семейных альбомах вологжан в большом количестве. Мне же захотелось рассказать читателям журнала историю только одной открытки, о которой уже в 60-х годах XX века рассказала мне дочь Анемподиста и Елизаветы Тарутиных – Ася.

Случилось так, что в раннем детстве моя мать и Ася Тарутина учились в одном классе вологодской женской гимназии. После революции семья Тарутиных уехала в Москву. Анастасия Анемподистовна вышла замуж за бывшего вологжанина, а к старости они оба решили вернуться в Вологду. Тут я и увидел в их доме два толстых альбома открыток и подлинных фотографий с вологодскими видами издательства Тарутиной.

Обратил я внимание на две абсолютные одинаковые открытки, где на палубе парохода были сфотографированы сидящие рядом одетая во все черное монахиня с библией в руках и улыбающаяся молодая исключительно красивая женщина в модном белом платье. Только подписи на карточках были разные: на одной значилось «Два полюса», а на другой – «Сценка на пароходе». Анастасия Анемподистовна рассказала, что местное епархиальное управление выразило официальный протест против издания такой открытки с первым текстом... Цензура потребовала изъять открытку из продажи. Тогда появился вариант подписи «Старое и новое», но и он не удовлетворил цензуру. Так родился третий, нейтральный вариант: «Сценка на пароходе».

Недавно в коллекции открыток О. В. Хамичева я увидел два варианта этой открытки. На обороте одной сохранилась надпись: «Изъята из обращения». Может быть, у кого-то найдется и третий вариант?

Но есть на этих открытках еще одна загадка. Анастасия Тарутина рассказала нам, что красавица – женщина в белом происходила из известного в Вологде рода Шайтановых. Мои попытки узнать более подробно об этой даме через последнего представителя славной семьи профессора Игоря Олеговича Шайтанова успехов не имели. Распалась связь времен, и восстанавливать родословные становится все сложнее и сложнее.

Остается добавить, что последняя из рода Тарутиных скончалась скоропостижно в 80-х годах, и среди ее вещей уже не оказалось этих альбомов.

Александр Кузнецов.

с. Усть-Печеньга, Тотемский р-н

В детстве у меня была настоящая деревенская бабка, бабушка Ольга Парфентьевна, родом из сухонской деревни Ихалица... «Родилась я при Николашке, в малолетстве ела белые олажки, а как стал Сталин управлять, не стали и черного давать», – пела она частушку. На Сталина бабка Оля была обижена... Судьба ее сложилась неловко. В нашу деревню, в Фоминское, она вышла замуж, но мужа вскоре забрали на войну, где он и погиб. В голодные послевоенные годы бабка попала в тюрьму «за колоски», где на тяжелых принудительных работах повредила себе ногу...

В аккуратный блокнот в кожаной обложке я решил записывать старинные слова, обычаи, приметы и легенды, все то, что я слушал от бабки Оли и других деревенских старожилов!

Вот первое слово, записанное в блокноте: «Заговенье», и пояснение – «бывает 27 ноября, начало поста». Мне было интересно, что когда-то жизнь в деревне была другой: не знали люди ни электрического света, ни телевизоров, ни строящихся рядом с Фоминкой газопровода «Сияние Севера» и асфальтированного шоссе, а крестьяне ходили в церковь, пахали землю на лошадах, не получали ежемесячно зарплату, как сейчас в совхозе...

ЗАПИСКИ из юннатского альбома

Ольга Парфентьевна была мне не родная, просто ее взяли к нам в семью ухаживать за детьми. Сначала она выводила моего брата, потом сестру, ну а я был у нее уже третьим «внуком». Бабка часто вспоминала свою родину, тосковала, пела частушку: «Не пойду на Тиксну замуж, тамо мучники ядят. За любого, но на Сухону, там хоть чаем напоят!».

Тиксна – это старинное название нашей волости, а при советской власти она стала Погореловским сельсоветом. Народ прежде у нас жил довольно справно, ели пироги-мучники (из белой муки) не только по большим праздникам, но люди были жадноваты (так казалось бабушке), поэтому Ольга Парфентьевна и вспоминала свою родную Ихалицу, где жили бедно, зато всех гостей поили чаем от души.

Вдобавок к частушке бабка любила рассказывать, что в Сухоне вода чистая, прозрачная, белая, но для самоваров обязательно привозили на лодках воду с другого берега, где напротив деревни в Сухону впадает река с таким же названием Ихалица, а вода в ней темная, болотная, красная, зато меньше чайной заварки надо (раньше чай дорогой был!), да и водичка ихалицкая вкуснее была...

Ольга Парфентьевна
Блинова

Записи в юннатском блокноте я вел на местном, тотемском диалекте, со всеми его фонетическими и стилистическими особенностями, поэтому при публикации некоторых выдержек из него пришлось сделать «перевод с русского на русский», приблизить диалектные тексты к литературному языку. Однако все «изюминки» народной речи я постарался сохранить. Вот кое-что из рассказов бабушки Ольги Парфентьевны...

Если коровы, возвращаясь с пастбища, несут во рту травинки, то это к похолоданию, к дождям. Кстати говоря, в действительности этой необычной народной приметы я потом убеждался неоднократно.

Гондины – сосновые дранки, из которых делают корзины. Сначала ищут в лесу мелкослойную сосну, ударяя обухом топора о комель (чем звонче, тем лучше). Дерево срубуют, разделяют тут же в лесу на чурки, подсушивают и затем колот на гондины тяжелым кованым ножом-косарем. В словаре В. И. Даля имеются похожие слова «гонт, гонот, гонтина» в значении «лучина, дранка».

Окончание на 20 стр.